

Першина Марина Андреевна

ИДЕЙНО-НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ПОВЕСТИ Ч. ДИККЕНСА В СВЯТОЧНОМ РАССКАЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА

В статье анализируется генезис святочной прозы Н. С. Лескова, выделяются доминантные черты данного жанра, проводится комплексное сравнение с жанром рождественской повести Ч. Диккенса на уровне построения хронотопа, ключевых образов, символов и мотивов. Дается вывод о том, что рождественская проза предстает в святочном творчестве Н. С. Лескова прецедентным текстом на идейном уровне, объединяя оба жанра общей христианско-нравственной моральной направленностью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 158-161. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. А. С. Пушкин об искусстве: в 2 т. М.: Искусство, 1990. Т. 1.
2. Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. Л.: Сов. писатель, 1989. 464 с.
3. Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Современник, 1987.
4. Белинский В. Г. Стихотворения Е. Баратынского // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: АН СССР, 1955. Т. 6.
5. Бочаров С. Г. Поэзия таинственных скорбей // Баратынский Е. А. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1976. С. 268-287.
6. Воспоминания о Заболоцком. М.: Сов. писатель, 1984. 462 с.
7. Вяземский П. А. Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. 460 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 3.
9. Заболоцкий Н. А. Вешних дней лаборатория: стихотворения и поэма. М.: Молодая гвардия, 1987. 175 с.
10. Лебедев Е. Тризна: книга о Е. А. Баратынском. М.: Современник, 1985. 301 с.
11. Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Кн. 1. 526 с.
12. Пушкин А. С. <Путешествие из Москвы в Петербург> // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7.
13. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 3. 558 с.
14. Розов А. Н. «Уродился я несчастлив, бесталанлив...»: об одной из «народных» песен Пушкина // Пушкин и мировая культура: материалы VIII Международной конференции (Арзамас, Большое Болдино, 27 мая – 1 июня 2007 г.). Арзамас: АГПИ, 2008. С. 309-314.
15. Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М.: Худож. лит., 1970. 260 с.
16. Словарь русского языка XVIII века. М.: Наука, 2004. Вып. 14.
17. Сулемина О. В. Универсалия «страшного» и самоидентификация пушкинского лирического субъекта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). Ч. 1. С. 196-200.
18. Тойбин И. М. Тревожное слово: о поэзии Е. А. Баратынского. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1988. 486 с.

ПОЕМ “BASTARD” BY E. A. BARATYNSKII AND RUSSIAN POETIC TRADITION

Patroeva Natal'ya Viktorovna, Doctor in Philology
Petrozavodsk State University
nvpatr@list.ru

The author presents a new perspective on the literary and biographical sources of figurative system of the poem “Bastard” by E. A. Baratynskii, recreates the history of “prosaism” “bastard” existence in the Russian poetry of the XIXth-XXth centuries by the material of lyrical works of A. S. Pushkin, P. A. Vyazemskii and N. A. Zabolotskii; and analyzes the lexeme “bastard” from the point of view of copious associative potential and intertextual “halo” that form poet’s individual picture of the world.

Key words and phrases: lexeme “bastard”; Russian poetic tradition; “prosaism”; poetic vocabulary; allusion; reminiscence.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье анализируется генезис святочной прозы Н. С. Лескова, выделяются доминантные черты данного жанра, проводится комплексное сравнение с жанром рождественской повести Ч. Диккенса на уровне построения хронотопа, ключевых образов, символов и мотивов. Дается вывод о том, что рождественская проза предстает в святочном творчестве Н. С. Лескова прецедентным текстом на идейном уровне, объединяя оба жанра общей христианско-нравственной моральной направленностью.

Ключевые слова и фразы: Лесков; святочный рассказ; Диккенс; рождественская повесть; межтекстовые связи.

Першина Марина Андреевна

Марийский государственный университет
marja8362@mail.ru

ИДЕЙНО-НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ПОВЕСТИ Ч. ДИККЕНСА В СВЯТОЧНОМ РАССКАЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА ©

Отмечая существенный вклад Н. С. Лескова в развитие большинства жанров русской реалистической литературы второй половины XIX века, таких как роман, рассказ, хроника, «проложная» легенда, драма и публицистика, необходимо выделить важнейшую особенность поэтики писателя – интертекстуальность. Обращение к известным текстам мировой литературы (эпос, Библия, произведения Пушкина, Шекспира и др.), их «вечным» образам, «бродячим» сюжетам и жанрам репрезентирует ценностную ориентацию Лескова и через своеобразные элементы «игры с читателем» выявляет авторскую интенцию в повествовании.

Среди разнообразия малых эпических форм в творчестве писателя важное место занимают святочные рассказы, общее число которых насчитывает более двадцати произведений этого жанра. Уже с начала 1860-х годов обнаруживается интерес Лескова к «святочной» теме. Автор систематически вводит в ранние романы и повести

приуроченные к Рождеству и святкам эпизоды (см. «Житие одной бабы», «Некуда», «Островитяне» и др.). Первое произведение с подзаголовком «Рождественский рассказ» – «Запечатленный ангел» – выходит в 1873 году, последний святочный рассказ «Пустоплясы» был создан за два года до смерти писателя, в 1893 году. В 1886 году Лесков объединяет двенадцать рассказов в особый святочный сборник.

Святочный рассказ как жанр русской литературы, несмотря на разнообразие принадлежащих разным эпохам и разным писателям произведений, весьма легко узнаваем. Попытки выделить характерные черты этих произведений предпринял уже сам Лесков. В рассказе «Жемчужное ожерелье» он писал: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера – от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец – чтобы он оканчивался непременно весело... он должен быть истинное происшествие» [6, с. 433].

Отсюда, под святочным рассказом, по общему определению С. И. Зенкевич, мы понимаем рассказ о случившемся в период зимних праздников чуде, который осмыслен автором в контексте определенной литературной традиции [4]. То есть типовыми признаками святочного рассказа являются его хронологическая приуроченность, наличие «элемента чудесного», проявляющегося на сюжетном уровне, наличие рассказчика и особая авторская интенция (желание автора «вписать» текст в жанровый контекст).

В России толчком к появлению святочных рассказов послужило развитие в первой половине XIX века периодической печати. А оформляется жанр в рамках романтической прозы с ее интересом к историческим истокам, национальной старине, обычаям и таинствам. Первыми святочными рассказами становятся рассказы Н. Полевого о событиях в Великом Новгороде 1826 г. [9]. Классическим образцом жанра святочного рассказа этого времени является «Ночь перед Рождеством» Н. В. Гоголя [1].

Кроме того, распространению жанра святочного рассказа в русской литературе, безусловно, способствовал успех переводов Чарльза Диккенса. В 1875 г. выходит в свет переводной сборник английского писателя «Святочные рассказы» [3], в который вошли рождественские повести, созданные в 40-х годах: «Рождественская песнь в прозе» (1843), «Колокола» (1844), «Сверчок за очагом» (1845), «Битва жизни» (1846), «Одержимый» (1848). Особый отклик в российских литературных кругах нашла так называемая «рождественская философия» Диккенса, гуманистические идеи, лежащие в основе не только его «Рождественских повестей», но и всего творчества писателя.

Говоря о межтекстовых связях произведений писателей, необходимо, в первую очередь, выделить доминантные черты обоих жанров.

Так, по форме рождественская проза канонична: действие приурочено к рождественским праздникам и чаще всего разворачивается в течение одной рождественской ночи. Введение мотива сна (сон-приключение в «Рождественской песне», сон-предвидение в «Колоколах», сон-прозрение в «Сверчке за очагом») разграничивает обычный и рождественский хронотоп. В рамках последнего, благодаря происходящим фантастическим событиям, герои переживают душевную метаморфозу. С ней также связан мотив смерти, которая в контексте произведения является обратимой и тем самым символизирует само духовное перерождение, когда герой, пробуждаясь утром от сна, возвращается из «чудесного» обратно в «реальный» мир. Основными типами персонажей становятся богатый мизантроп (Скрудж в «Рождественской песне», Теклтон в «Сверчке за очагом», Майкл Уордн в «Битве жизни» и доктор Редлоу в «Одержимом») и «маленький человек» (Боб Крэтчит в «Рождественской песне», Тоби Вэк в «Колоколах», Калейб Пламмер в «Сверчке», миссис Уильям в «Одержимом»), каждый из которых по-своему преобразуется под влиянием удивительных событий в своей жизни. Эта типическая пара обычно составляет оппозицию в контексте повести.

При этом с образом мизантропа связывается мотив холода как символа бессердечности: «Душевный холод заморозил изнутри старческие черты его лица, заострил крючковатый нос, сморщил кожу на щеках, сковал походку, заставил посинеть губы и покраснеть глаза, сделал ледяным его скрипучий голос. И даже его щетинистый подбородок, редкие волосы и брови, казалось, заиндевели от мороза. Он всюду вносил с собой эту леденящую атмосферу. Присутствие Скруджа замораживало его контору в летний зной, и он не позволял ей оттаять ни на полградуса даже на веселых святках» [2, с. 8] (о Скрудже в «Рождественской песне»). С образом «маленького человека», носителя положительного идеала, в свою очередь, связан мотив света как символа добродетели: «Мэрион смотрела в это сестринское лицо, точно оно было лицом сияющего ангела. Спокойным, ясным, радостным взглядом отвечала Грейс сестре и ее жениху» [Там же, с. 311] (о Грейс в «Битве жизни»).

Другой важной сюжетной схемой предстает история бедной многодетной семьи, в которой элемент «чудесного» также выполняет сюжетоорганизующую функцию. Однако «чудом» уже является не появление духов, призраков, фей или каких-либо других сказочных существ, а изменения в сердце главного героя, которые благотворительно влияют на будущее семьи. Ключевым образом здесь выступает ребенок, который олицетворяет собой душевную чистоту и символизирует присутствие Бога, тем самым спланивая свою семью и скрашивая ее тяжелые будни (Малютка Тим в «Рождественской песне», младенец Пирибинглов в «Сверчке за очагом», Дольф Тетерби в «Одержимом»). Обратной стороной этого образа является ребенок-дикарь с «мертвой, бесплодной пустыней» [Там же, с. 454] вместо души («Одержимый»), который представляет собой аллегорию пороков человечества (данный символ восходит к образам двух детей из сна Скруджа в «Рождественской песне» - образам Нищеты и Невежества). Рождественская повесть обязательно заканчивается счастливой развязкой, которая непосредственно связана с мотивом праздника. Праздник и его обязательные атрибуты (украшения из остролиста, большой праздничный стол с индейкой, пылающий очаг и собравшаяся вместе семья) отражают торжество добра над злом и начало новой счастливой жизни во взаимной помощи и согласии.

По своему содержанию рождественские повести, согласно традиции жанра, глубоко назидательны. Развязка каждой из них содержит ярко выраженное нравоучительное послание автора, заключенное в слова одного из персонажей. Та же поучительность и моралистичность (при этом не обязательно четко отличимая) является идейной доминантой и ранних святочных рассказов Лескова, которые своей концепцией зиждутся на истинах христианского вероучения.

Однако построение этих рассказов существенно отличается от организации рождественских повестей. Рождественский хронотоп выполняет лишь служебную функцию, отмечая вероятность появления «чуда», которое сводится к одному поразительному событию в жизни героев в рамках рассказа в рассказе. Рождественскую историю чаще всего излагает герой-рассказчик, представитель определенной социальной группы или сословия, таким образом, голос и точка зрения автора отделяются от взгляда на происходящее рассказчика, благодаря чему рождественские чудеса преподносятся как факт народного мировосприятия, выразившийся в мифах и преданиях. «Чудо» в конце концов получает вполне реалистическое толкование. Толчком же к внутреннему преобразению героев выступает их встреча с праведником, тем самым в контексте святочного рассказа выделяется своя пара двух полярных типов персонажей: праведника и «человека меняющегося», последний из которых в финале произведения побеждает в своем сердце зло и духовно обновляется. Заметим, что лишь несколько лесковских героев, представляющих тип «человека меняющегося», восходят к образу богатого мизантропа Диккенса. Это суровый дядя повествователя в рассказе «Зверь», скряга-отец невесты в «Жемчужном ожерелье», скорый на расправу дядя в «Маленькой ошибке» и надменный глава академии в «Скрытой теплоте».

Сюжетная схема позднего святочного творчества Лескова значительно видоизменяется под влиянием реалистического подхода к изображению жизненных явлений. Писатель старается показать правдивые истории, произошедшие с обыкновенными людьми, которые попадают в ситуацию выбора между добром и злом. Благодаря своим нравственным поступкам герои этих рассказов также подвергаются внутренним изменениям. Однако это уже не перерождение, как в более ранних произведениях, а пробуждение, ресурсы для которого человек черпает в собственном сердце. Толчком к преобразению здесь уже выступает не встреча с праведником, а собственный выбор героя, столкнувшегося со злом и несовершенством мира и нашедшего в себе силы противостоять этому злу в собственной душе. Важный сквозной образ ребенка как символ божьего посланника становится в рассказах свидетельством пробуждения доброго начала в сердцах героев. Нравственная идея данного типа рассказов не находит непосредственного выражения, отсутствует назидательный вывод, однако описываемые истории, которые просто являются актуальными и интересными для читателей, получают счастливый конец по сложившейся традиции жанра.

Таким образом, поэтика святочного Лескова в значительной степени изменяется, это во многом обусловлено реалистическим содержанием его творчества. В большинстве своем святочные рассказы лишаются «чудесной» составляющей, что и приводит либо к полному отказу от сложившихся жанровых стереотипов, либо к формальному использованию данного элемента в организации композиции и сюжета.

Однако при всех изменениях в форме и содержании святочного рассказа неизменной остается нравственно-христианская моралистичность. Дидактический вывод формируется либо непосредственно в рассказе (в авторском слове, в словах героев), либо может быть легко прочитан из контекста сюжета. Например, в рассказе «Неразменный рубль» бабушка раскрывает герою смысл его поучительного сна: «Неразменный рубль – это талант, который Провидение дает человеку при его рождении... это есть сила, которая может служить истине и добродетели, на пользу людям, в чём для человека с добрым сердцем и ясным умом заключается самое высшее удовольствие» [7, с. 24]. В рассказе «Зверь» проповедь священника о даре Господа людям – «о любви, о прощенье, о долге каждого утешить друга и недруга» [Там же, с. 42] – топчет лед в сердце жестокого дяди героя. Рассказчик из «Привидения в Инженерном замке» говорит о прощении как о «святом праве любви» [Там же, с. 56], а старец Федос в рассказе «Пустоплясы» – о наставлении человека Богом, что «хорошо все от господа посылается» [8, с. 240]. В рассказе «Пугало» мораль исходит от автора: «Так всегда зло родит другое зло и побеждается только добром, которое, по слову Евангелия, делает око и сердце наши чистыми» [7, с. 226]. В рассказе «Под Рождество обидели» рассказчик, в свою очередь, призывает встать на путь истины, данный Господом: «Не бойся показаться смешным или глупым, если ты поступишь по правилу Того, который сказал тебе: “Прости обидчику и приобрети себе в нем брата своего”» [5, с. 308].

Просветительская направленность подобного рода святочных рассказов сближает их с рождественскими повестями Диккенса, моралистическое послание в которых также вкладывается в уста персонажей. Так, в «Рождественской песне в прозе» о необходимости творить добро и заботиться о ближнем говорит призрак Марли: «...даже веками раскаяния нельзя возместить упущенную... возможность сотворить доброе дело» [2, с. 25]. В «Битве жизни» о силе любви и добродетельных поступков говорит доктор Джедлер: «Всякий раз, как над этим миром восходит солнце, оно видит тысячи бескровных битв, которые искупают несчастье и зло, царящие на поля кровавых битв; а мы должны осторожно судить о мире... ибо мир полон священных тайн» [Там же, с. 373].

Важно также отметить, что эксплицитных текстовых заимствований, таких как цитаты, аллюзии или реминисценции из рождественских повестей Диккенса, нет во всем корпусе святочных рассказов Лескова. Следовательно, межтекстовые связи можно выделить лишь строго на имплицитном уровне взаимодействия произведений. Отсюда, «посредством внутренних семантических связей с прототекстом» в святочном рассказе создается особое «интертекстуальное пространство» [10, с. 171], отличающееся, в первую очередь, общей идейно-нравственной направленностью жанров, проповедующих следовать христианским заповедям в жизни и душе, преисполненной Бога. Этим обусловлено присутствие в лесковских святочных текстах таких элементов интертекстуальных заимствований, как образы центральных героев («маленький человек» – праведник), а также общей символики детства как поры духовной чистоты каждого человека.

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Ночь перед Рождеством. М.: Эксмо, 2012. 114 с.
2. Диккенс Ч. Рождественские истории: повести / пер. с англ. М.: Астрель; Полиграфиздат, 2012. 478 с.
3. Диккенс Ч. Святочные рассказы / пер. с англ. Е. Г. Тихомандрицкой. СПб. – М.: М. О. Вольф, 1904. 312 с.
4. Зенкевич С. И. Жанр святочного рассказа в творчестве Н. С. Лескова: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 224 с.
5. Лесков Н. С. Под Рождество обидели // Чудо Рождественской ночи: рассказы. М.: Эксмо, 2008. С. 294-308.
6. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 7. 570 с.
7. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 7. 464 с.
8. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 12 т. М.: «Правда», 1989. Т. 11. 398 с.
9. Полевой Н. А. Святочные рассказы // Чудо Рождественской ночи: рассказы. М.: Эксмо, 2008. С. 50-64.
10. Пыхтина Ю. Г. Модель интертекстуального пространства в художественной литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. II. С. 167-172.

**IDEOLOGICAL-MORAL TRADITIONS OF CH. DICKENS'S CHRISTMAS TALE
IN N. S. LESKOV'S CHRISTMAS STORY**

Pershina Marina Andreevna

*Mari State University
marja8362@mail.ru*

The author analyzes the genesis of N. S. Leskov's Christmas prose, reveals the dominant features of this genre, conducts the complex comparison with the genre of Ch. Dickens's Christmas tale at the level of chronotope construction, key images, symbols and motives, and comes to the conclusion that Christmas prose appears in N. S. Leskov's creative works as the precedent text at the ideological level, combining both genres of common Christian-moral and ethical orientation.

Key words and phrases: Leskov; Christmas story; Dickens; Christmas tale; intertextual connections.

УДК 800.899.82:09

Филологические науки

В статье анализируется пьеса М. Булгакова «Дон Кихот» в контексте донкихотовской традиции, заложенной в статье И. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» 1860 года. Освоение традиции реализуется Булгаковым в трагикомическом пародийном образе героического романтика Дон Кихота, синтезирующем черты тургеневских ироника-мыслителя Гамлета и героя-энтузиаста Дон Кихота. Тургеневский миф о Дон Кихоте отражается в пьесе в качестве внедренного драматургом в пьесу «чужого слова», постоянно находящегося в диалогических отношениях со словом автора.

Ключевые слова и фразы: Булгаков; Тургенев; Дон Кихот; героик; романтик; творческая личность; рыцарь; поэт.

Пономарева Дарья Васильевна

*Южный федеральный университет
pnomarewa.dar@yandex.ru*

**ПЬЕСА М. БУЛГАКОВА «ДОН КИХОТ» В СВЕТЕ СТАТЬИ
И. ТУРГЕНЕВА «ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ»[©]**

Как известно, у истоков русского мифа о Дон Кихоте был И. Тургенев, в статье «Гамлет и Дон-Кихот» впервые «обнаживший философский смысл и трагическую сущность образа, прежде воспринятого в России как сугубо комедийный» [2, с. 624]. Отсутствие работ, посвященных рассмотрению пьесы М. Булгакова «Дон Кихот» в свете русской традиции донкихотства, обуславливает актуальность и новизну данной статьи. Цель нашего исследования заключается в анализе образа Дон Кихота Булгакова в контексте тургеневской интерпретации романа Сервантеса. В ходе работы будем отталкиваться от предположения о том, что освоение традиции в пьесе осуществляется на основе пародирования (пародийной стилизации), состоящего «в переводе пародируемого произведения <...> в другую систему» и удвоения, т.е. создания двойников пародируемых явлений, раскрывающих их подлинную сущность [4, с. 159].

Булгаков, следуя за мыслью Тургенева о том, что «коренной закон всей человеческой жизни» – это «вечное примирение и вечная борьба двух непрестанно разъединенных и непрестанно сливающихся начал» [7, с. 341], синтезирует в образе своего Дон Кихота, творческой личности, героического романтика, рыцаря и поэта [3, с. 146-148], черты тургеневских Дон Кихота и Гамлета. Как и «центробежный» тургеневский Дон Кихот-энтузиаст, верящий «в нечто вечное, незбылемое, в истину», «находящуюся вне отдельного человека» и «требующую служения и жертв» [7, с. 332], булгаковский герой, осуждая «железный век» настоящего и не обращающая внимание на грозящие ему «опасности и беды», стремится к «золотому веку» будущего и «великим